

Управления. Если не держаться этого правила, мы рискуем тем, что против нас будут приняты ответные меры, участятся случаи нарушения конвенции, и в результате провозведения американских авторов откажутся регистрировать на Сириусе, Лебеде, Орионе и в других отдаленных местах. Едва ли американским издателям будет приятно сознание, что чуть ли не на всем протяжении Млечного Пути их бестселлеры не охраняются законом.

Возможно, что окончательно эти вопросы будут решаться на Первом Межгалактическом конгрессе по авторскому праву. Нам же пока не мешает подумать о реорганизации Управления в связи с поступлением необъятных количеств материала со всех этих планет и созвездий. Ввиду того что при нынешней постановке научной работы справиться с таким объемом материала явно невозможно, было выдвинуто предложение установить в Управлении гигантскую ЭВМ, даже если под нее пришлось бы отдать весь новый корпус, и заложить в ее память закон об авторском праве и все решения по нему, принятые как в самом Управлении, так и в судах. (Рассчитано, что для этого потребуются не более 20 000 000 000 000 000 электронных ламп). Запросы будут вводиться на перфокартах, которые машина будет либо принимать, либо тут же отбрасывать. Спорные случаи, сейчас отнимающие от пяти до шести недель рабочего времени, будут разрешаться за миллионную долю секунды, что позволит нам ликвидировать зазоры и освободить послеобеденные часы по

пятницам. Одно это уже даст ежегодную экономию в 27 375 549 человеко-часов.

Поскольку биржа труда, как правило, не может предложить специалистов по кибернетике, ядерной физике, общей семантике, неэвклидовой геометрии и электронике, нам, по-видимому, придется обходиться имеющимся персоналом. Вначале будут случаться ошибки, но это неизбежно при всякой сколько-нибудь серьезной реорганизации.

Для обработки грандиозной массы статистических данных, полученных в результате этих операций, предложено было также нанимать «читающих чудесников» — тех удивительных индивидуумов, что умеют производить в уме сложнейшие математические вычисления. То обстоятельство, что во всех других смыслах эти люди обычно круглые идиоты, не должно служить препятствием для зачисления их в штат, поскольку в прошлом Научный отдел никогда не проводил такой дискриминации.

Мы твердо убеждены, что, сообразуясь со славными традициями Управления по охране авторских прав, мы должны всеми силами постараться разрешить большую часть этих вопросов безотлагательно, чтобы пилот первой же ракеты, запущенной на Луну, мог совершить свой полет с легким сердцем и с сознанием, что о его интересах пекутся и Научный, и Справочный отделы, и отдел Каталогизации, и отдел Обслуживания и что в случае необходимости они окажут ему единодушную поддержку.

ПЕТЕР ХАКС

ИСТОРИЯ МОЕЙ ОПЕРЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Перевод с немецкого ЭЛЛЫ ВЕНГЕРОВОЙ

1

Судьба заявила о себе не ударами литавр и не глухим рокотом труб: раздался просто звонок в дверь. Вошел Зигфрид Маттхуз. Он попросил меня посмотреть предложенное ему либретто. Я продолжал пить чай. Я взглянул на либретто. Я еще ничего не предчувствовал — ни тогда, ни долго потом. Я сказал: «Я запрещаю вам власть это на музыку». — «Отсюда следует, — живо возразил он, — что вы обещаете написать лучше».

2

Наша пьеса называлась «Ариадна на Накосе». Была задумана забавная история о супружеской неверности, и, поскольку это зависело от нас, она такой и получилась. Теперь я должен изложить вам весь сюжет. Конечно, мне было бы приятней, если б вы могли просто купить

в кассе билет и посмотреть спектакль, но когда вы прочтете мой рассказ, вы узнаете, почему сделать это не так-то легко. Фактически из всех способов узнать содержание оперы в наш век остался, кажется, один-единственный. Просят автора его пересказать.

3

Ариадна. Как известно, когда великая критская держава, где господствовал матриархат, воевала с патриархальной Грецией, Ариадна выступила на стороне мужчин. Она помогла Тезею пересечь лабиринт и убить ее брата, Минотавра. Так, ценой предательства она добилась от Тезея обещания жениться на ней. Я знал ответ на вопрос, почему эта женщина отреклась от женских прав: она была слишком инертна, чтобы притязать

АНТИРУВРИКА

на них. Она поняла, что женщины ее типа будут повелевать, предоставляя мужчине господство над миром и оставляя за собой господство над женщиной. Она нашла, что патриархат — как раз подходящая форма правления для женщины, при условии, что она сохранит власть над мужем. По этой причине Ариадна предала варварам мать, дядю, брата и родину, а сама прилепилась к тому, кто обещал ей вечную признательность.

Что ж, открытие имело действительно эпохальное значение, и нельзя упрекать его виновницу, что вначале она поступала не совсем изящно. Метод откровенного преследования оказался несовершенным, герою скоро надоела навязчивая спасительница, и при первой же возможности во время краткого пребывания на пустынном острове Накосе, всего в нескольких милях от Кносса, он ее оставил. Тогда-то среди скал она поразмыслила на досуге над усовершенствованием своей тактики. Через некоторое время на нее набрел бог Дионис, имевший несчастье найти ее формы прелестными, и тут она доказала, что не намерена повторять своих ошибок. Рыдая, Ариадна призналась ему, что любовь ее принадлежит единственному во всем мире мужчине, Тезею, а сердце Тезея принадлежит только ей, и, хотя неблагоприятность богов сулила им разлуку, сердца их навек останутся неразлучными. Привыкший к победам бог, весьма заинтригованный ее неприступностью, постепенно проникается любовью. А Ариадна, заливаясь слезами, снисходит к его мольбам, однако же при условии, что, когда за нею вернется Тезей, Дионис ее оставит и уступит честь и место первому и единственному претенденту.

Дионис попадает в ловушку. Он владеет в несчастнейшее из всех состояний, каковое определяется как фрустрационный невроз, а мужчины обычно так охотно и глупо путают со страстью. Чем настойчивее притязания Диониса, тем уклончивее бегут слезы Ариадны, а если ему изредка и удается вырвать у нее вздох нежного томления, в нем всегда слышится некий звук, напоминающий имя Тезея. Эта холодная и ленивая царская дочь заставляет бога усомниться в собственной непревзойденности: ее благосклонность представляется больному воображению Диониса единственно убедительным доказательством его божественного воскресения из мертвых; одним словом, она воспитала себе супруга.

4

Это пролог. После страстной арии Диониса, помогающего любви Ариадны, исполняется в высшей степени драматический дуэт, в коем Ариадна демонстрирует все искусные приемы мелочного обольщения и лукавой уклончивости, а Дионис — все ступени восторга и самобичевания. Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь смог это увидеть и услышать.

Едва Дионис начинает верить, что близок к цели, Ариадна ускользает от него и, стоя на самом краю скалистого мыса и обращаясь к морю, изливает в песне тоску по Тезею. Бог корчится в муках. Тут появляется посланец с корабля, зашедшего на остров за водой. Он сообщает, что недалеко от берега стал на якорь какой-то чужестранец.

— Кто этот чужестранец?

— Сын Посейдона.

— О, ужас, о, страшные предчувствия!

Царь Аттики.

— Может быть, это Тезей?

Сцена завершается терцетом, в котором Ариадна делает вид, что надеется на то, чего больше всего боится. Дионис думает, что боится того, на что сильнее всего надеется, а посланец вообще ничего не думает. Появляется Тезей. Занавес.

Не хочу быть излишне подробным. Вы уже получили представление. Пьеса полна самых неожиданных перипетий. Конечно же, происходит путаница, в результате которой не только Дионис начинает верить в любовь Тезея к Ариадне, но и — вопреки всякому рассудку — даже она сама. Конечно же, происходит поединок с участием божественных сил и всякого рода чудес. Но, разумеется, до взаимного убийства дело не доходит, так как Тезей успевает сообщить противнику, что он, со своей стороны, использовал критянку (чье имя он едва помнит), чтобы устранить Минотавра, что соблазнил он ее без всякого удовольствия и поспешил отделаться от нее как можно скорее.

Пьеса представляет собой комическую оперу: мужчины смеются друг над другом и над этой женщиной. Излечившийся Дионис возвращается к своим виноградникам, Тезей продолжает поход против амазонок, а Ариадна лишает себя жизни, пытаясь разыграть самоубийство.

5

В работе над либретто мне мешало то обстоятельство, что имена героев звучали излишне благородно, классически-традиционно, но согласитесь: во всем остальном это была прелестная, изящная история и, несомненно, в присутствии мне стиле. О музыке Маттхуза я ничего не скажу, потому что в музыке ничего не смысло. Но думаю, что, если бы смысл, она понравилась бы мне сверх всякой меры. Мы дерзнули совершить рывок к звездам и принесли наше сочинение в такой знаменитый театр, как «Настоящая опера».

6

«Настоящая!» Какой посвященный на каком из шести континентов (говоря о шестом континенте, я имею в виду Австралию, а не Антарктиду), где всегда найдется несколько русских ценителей — какой посвященный, повторяю я, не

испытывает священного трепета при упоминании о «Настоящей»? Я отлично понимаю, что воздать ей достойную хвалу, не впадая в банальность, не в моих силах. Этот театр отличается от обычных оперных театров не только тем, в частности, что располагает одаренными солистами, хорошо обученным оркестром и отличным дирижером. В конце концов такое встретишь и в других местах. Преимущество же «Настоящей» перед всеми прочими операми в мире заключается в том, что она опирается на теорию. Эта теория, как, впрочем, и всякое гениальное учение, может быть резюмирована в одном, столь же простом, сколь и неспровергающем тезисе. Тезис гласит, что опера — это театральный спектакль, и, следовательно, то, что хорошо для театра, не может не быть достаточно похвальным для оперы. И вот на основании этого открытия «Настоящая» разработала солидный запас приемов, чтобы извинить наличие музыки — часто неизбежное в опере. Певцы научились петь так, что можно было почти поверить, что они говорят или бормочут про себя. Режиссеры изловчились в тех местах, где композитор становится особенно навязчивым, отвлекать публику от солистов, то есть от музыки, шутовскими прыжками или громким зубовым скрежетом второстепенных персонажей. И скоро в «Настоящей» были абсолютно искоренены безнравственные обычаи разлагающегося феодализма, когда случалось, что пресыщенные за всегдатой ездили в оперу ради одной-единственной красивой арии.

7

По истечении срока, отведенного на бессмысленное ожидание, до меня начали доходить самые обнадеживающие слухи. Правда, «Настоящая» не приобрела права на постановку нашего сочинения, но она, как утверждали, с гордостью публично заявляла о нем как о своем детище. Поговаривали, что назначен день премьеры, более того, мне даже, наконец, донесли, что для разучивания оперы приглашен режиссер. О режиссере — о его качествах как сценариста, драматурга, педагога, директора театра, кинопродюсера и философа — я уже слышал, ибо он настойчиво лез вверх в разных жанрах со все более значительным неуспехом. Методом исключения неподобающего ему удалось занять приличествующее ему место в мире искусства. Теперь он был главным режиссером «Настоящей» и столь же знаменит, как сама «Настоящая». Но я никогда не мог избавиться от некоторого предубеждения против этого человека и, честно говоря, считал его посредственностью. Нижеледующие записки покажут, как далек я был от истины. Позвольте мне, прежде чем начать повествование, предослать моим запискам сведения, каковыми я в то время еще не

располагал. Только получив их, можно оценить всю пикантность событий. Дело в том, что режиссер, вдохновленный представлением Собачьего театра...

8

Знаете ли вы Собачий театр? Собачий театр — это одна из поэтических форм сценического искусства. Она состоит в том, что породистые собаки ловко перебегают через сцену на задних лапах из одной двери в другую. Собаки одеты в костюмы Пастора, Аптекариши или Потаскушки, а на дверях висят таблички: «Дом пастора», «Аптека», «Бордель». Чем более скучные средства предлагает театральный жанр, тем сильнее они возбуждают фантазию художника. Я всегда мечтал написать пьесу для Собачьего театра, пьесу, интрига которой исчерпывалась тем, кто, когда и куда входит и выходит. Было бы неразумно требовать большего от этих животных.

9

Итак, мы остановились на том, что режиссер, вдохновленный представлением Собачьего театра, увлекся замыслом использовать в опере собак. Подобно мне, он считал основным достоинством собак их неумение петь. Поэтому он начал сочинять либретто о полярном исследователе Грили, в котором упомянутый Грили на собачьей упряжке пересекает арктическую местность. Содержанием оперы должны были послужить душевные переживания одинокого человека, оказавшегося в мире льда. Впрочем, не знаю уж по каким причинам, либретто никогда не было дописано до конца. Вскоре после начала репетиций «Ариадны» режиссер пригласил меня к себе.

— Дорогой Хакс, — любезно обратился он ко мне, — я посвящаю вас в мои самые тайные замыслы: я собираюсь занять в опере собак и хотел бы с вами обсудить необходимые изменения в либретто.

10

Позвольте дать вам полезный совет, терпеливый читатель: избегайте по возможности плохих аргументов для защиты добрых дел. Это непременно отомстит за себя. Согласен, ложный аргумент много эффективнее, чем истинный, — вы покинете арену победителем, вы достигнете своей цели. Но настанет день, когда благодаря вашему сомнительному аргументу вы окажетесь в яме, вырытой собственными руками. Кто из нас не лгал во имя истины, но скольким потом приходилось платить дорогой ценой за свою пущенную в обращение ложь? Накладные расходы часто приводят победителя к полному банкротству.

Итак, я возразил режиссеру:

АНТИРУБРИКА

— Видите ли, я, собственно, против собак.

— Против собак? — переспросил он недоуменно. — Почему?

— Видите ли, — осторожно произнес я, — я представлял себе Наксос необитаемым островом, чем-то вроде скалисто-го рифа. Откуда там быть собакам?

Я знал, что такой аргумент сработает. Он немного еще поразмыслил над географическими обстоятельствами, попросил ассистента принести ему том Брема, энергично перелистал «Историю домашних животных» и лишь тогда согласился со мной и обещал отказаться от своей идеи. Человек чести умеет с достоинством перенести поражение.

11

Поскольку в наказание за мое строптивное поведение меня не допустили на репетиции, к дальнейшей подготовке спектакля я не имел отношения, и мне довольно легко удалось забыть об этой истории. Однако спустя примерно месяца три у меня состоялась деловая беседа с одной балериной. Я встретился с этой дамой в ресторане «Настоящей» и только успел выяснить, что она, против моих ожиданий, вечером уже занята, как из динамика раздалось: «Прогон «Ариадны». Участников первой картины просят на сцену».

— Вы совершенно уверены, — сказал я своей собеседнице, — что сегодня не хотите отведать жареных перепелок?

— Совершенно уверена, — подтвердила она.

— Это почти невыносимо досадно, — заверил я.

Я откланялся, запечатлев на ее руке намек на поцелуй, и направился в центральную ложу, чтобы увидеть сочиненную мною оперу во всей полноте ее сценического воплощения.

12

Вы припоминаете начало? Дионис домогается Ариадны, которая снова спряталась в гроте, он считает ее хорошо рассчитанную застенчивость следствием недостаточной убедительности своей страсти. «Побори свою ты робость, — пылко взывает он, изнемогая от мук, — я молю, доверься мне!» Клянусь богами, он пел прекрасно: будь я женщина, я бы сам к нему вышел. Правда, к моему удивлению, Ариадна уже находилась на сцене. Она сидела на кубе из плексигласа, заложив ногу на ногу, и соблазнительно покачивала розовой туфелькой. «Пусть душа твоя воскреснет», — пел бог, боязливо удаляясь от нее, и Ариадна последовала этому призыву несколько неожиданным для меня образом: она начала раздеваться. Она бросилась на спину и стала вертеться на плексигласовом рифе: производя сложные телодвижения, она ловко избавлялась от

одеяний, во всяком случае, от большей их части, ибо очаровательные черные трусики и бюстгальтер она все-таки не сбросила. Я видел бюстгальтеры уже на помпейских фресках, относительно критской формы этого элемента одежды я питал сомнения, но бюстгальтер Ариадны, несомненно, отвечал самой прогрессивной моде 70-х годов. Слов нет, она выглядела восхитительно. Зато бог Дионис, увидев ее полуобнаженной, ударился в неопределяемую панику. Распевая нежную кантилену «Приди, о, приди!», он забился в самый дальний угол сцены, втиснув свою увенчанную лаврами голову в щель на полу, откуда он — правда, с некоторыми трудностями — испустил верхнее си-бемоль, которым, как я знал, Матхуз надеялся произвести потрясающий эффект.

13

Зрительный зал, в некоторой степени заполненный людьми с телевидения, друзьями режиссера и просто случайными слушателями, проявил теплое участие к бедрам фрау Х. Но уже в этот миг я понял, что произошел один из достойных сожаления случаев, когда и текст и музыка имеют несчастье разминуться с замыслом режиссуры.

14

Об аналогичном случае мне рассказала как-то Эрика Пеликовски. В одном из крупных городов на Рейне она играла Иветту, солдатскую шлюху, которая благодаря неустанным трудам достигла статуса вдовы полковника.

Будучи на вершине своей карьеры, Иветта снова встречает полкового повара, некогда столкнувшего ее на дно. Она осыпает его бранью и приказывает: «Встать, когда я с тобой говорю».

Итак, репетировалась фраза, в которой эффектно противопоставлялось возвышение Иветты и падение повара, и тут фрау Пеликовски обнаружила, что во время произнесения ею этой реплики повар был на ногах. Она обратила внимание режиссера на некоторые трудности, которые могут возникнуть в связи с исполнением и пониманием этого места, когда требование встать обращено к человеку, который уже стоит.

Режиссер... Но я предпочел бы не называть здесь его имени. Меня побуждает к тому не страх и не ложно понятая порядочность, у меня просто язык не поворачивается называть имена плохих режиссеров. Так вот, режиссер с неприязнью взглянул на фрау Пеликовски и сказал: «Хорошо. Вычеркнем эту реплику». Я привожу этот пример, чтобы показать, как оно бывает, когда пьеса не вписывается в замысел постановщика. Разумеется, мой режиссер, в отличие от того, чье имя я не в силах произнести, и не думал что-либо опускать, он не посягнул ни на единый слог текста, ни на

единую ноту партитуры. О нет, он шел своим путем, неустрашимый и неуязвимый.

15

После арии Диониса оркестр исполняет холодно-торжественную интерлюдю, задуманную первоначально для выхода Ариадны. Эту излишнюю, как оказалось, длинноту Ариадна теперь разумно использовала для того, чтобы снова одеться за прозрачным рифом, а Дионис — чтобы вытащить голову из щели. После чего у них нашлось время друг для друга. Дирижер поднял палочку. Раздались мощные и сложные ритмы — вступление к дуэту (этому обнажающему души объяснению), и тут из-за левой кулисы появилась упряжка... тюленей в зеленых тирольских шляпках на блестящих серых лбах.

16

Разумеется, я могу сообщить, о чем пела Ариадна и Дионис на этом отрезке фабулы. Он молит ее ответить на его страсть, она излагает вымышленную историю своей любви и напоминает Дионису о его олимпийской клятве отказаться от нее, когда вернется Тезей. Пылкая ревность Диониса бессильна перед убожеством ее чувств, на угрозу покинуть ее Ариадна отвечает насмешкой, но Дионис несмотря ни на что принимает эту любовь, которая в дальнейшем принесет ему только мучения. Унизительный договор порабощенной страсти скрепляется дуэтом противоестественной красоты. Мне, как автору, все это было известно. Я единственный, кроме Маттхуза, человек, которому это было известно, — правда, следя за дуэтом на сцене, я кое-что подзабыл. Тюлени были такие милые. Они шлепали по сцене своими лапами и с такой трогательной неуклюжестью поворачивались в такт музыке, что получался почти настоящий балет. Когда бог пропел:

Нет, без тебя не могу я жить,
Хочу ненавидеть, а жажду любить...

и снизошедшая к его мольбам девушка подтвердила: «Да, да, без меня ты не можешь жить», тюлени даже поднялись на хвостах и подбросили вверх большие пестрые мячи.

Публика пришла в восторг и разразилась аплодисментами, что, как известно, редко случается во время репетиций. Успех спектакля, собственно, уже был предрешен. И все же я чувствовал неудовлетворенность. Я твердил себе, что восприятию последующих событий существенно повредит тот факт, что зрители так никогда и не узнают ни имен, ни намерений действующих лиц. Впрочем, быть может, мое тщеславие было уязвлено тем, что не я вызвал восторг публики.

Покинув свою ложу, я проник в партер, пробрался к режиссерскому пульта

и сказал режиссеру: «Вы обещали мне отказаться от животных».

17

Режиссер строго произнес: «Как вы сюда попали?» Я сказал: «Мне необходимо поговорить с вами об этих животных, именно здесь и немедленно». Увидев, что я настроен серьезно, режиссер уступил. Он поручил свите своих ассистентов выяснить, кто пропустил меня в зал. Уладив это, он повернулся ко мне и спросил: «Ну-с, в чем дело?»

— Я требую, — сказал я, — чтобы вы удалили зверей.

— Это же не собаки, — сказал он терпеливо. — Я изменил сюжет с вашего же разрешения.

— Но это тюлени! — воскликнул я.

— Господин доктор Хакс, — сказал он выразительно, — на Наксосе водятся тюлени или нет?

В тот момент я не представлял себе, водятся ли тюлени в восточной части Средиземного моря. Я был уверен, что не в этом дело и что, если я окажусь в состоянии доказать их географическую невероятность, он, не колеблясь ни минуты, заменит тюленей летающими собаками. Я неверно подошел к решению проблемы в целом. Поэтому, переменив тему, я довольно неуверенно произнес:

— Но вы же искажаете замысел.

— Дорогой доктор Хакс, — сказал он, — скажу вам без ложной скромности, мне было весьма нелегко ангажировать эту труппу. Это самая дорогая труппа, какую только можно найти. Каждое животное получает гонорар за вечер, и он в два раза превышает гонорар тенора. Битых два месяца я работал исключительно с тюленями. А вы являетесь сюда — кстати, как это вам удалось? — и не находите ничего лучшего, чем заявить, что тюлени вам мешают.

— Но... — сказал я.

— Позвольте мне объяснить вам, — возразил он. — Вы поэт. Вы можете сочинять все что вам вздумается. Ваша свобода для меня священна. Признаюсь — я люблю вашу пьесу, в конце концов это я принял ее к постановке, и вы не осмелитесь утверждать, что просили меня об этом. Уж не думаете ли вы, что режиссер, уважающий вашу свободу, сам не имеет права быть свободным?

— Но... — сказал я.

Теперь он рассердился.

— Хорошо, — сказал он весьма решительно. — Поговорим после репетиции. Будьте добры подождать меня в фойе. Я здесь три месяца тружусь до изнеможения. Я не допущу, чтобы ваше вопиющее невежество свело на нет мою работу.

Что мне было делать? Я ушел. Я прокрался через фойе, красивым полукру-

АНТИРУВРИКА

гом огибающее зрительный зал, и на противоположной стороне бесшумно открыл некую дверь (я решился не утаивать от читателя ни одного, даже неблагоприятного для меня, поступка). Через щель была видна сцена.

18

Тем временем репетиция продвинулась до арии на скале. Я имею в виду ту песнь, в которой Ариадна, чтобы довершить унижение Диониса, в его присутствии предается мечтам о мнимом возлюбленном:

О Тезей, как я страдаю,
Сердце рвется от тоски.
Вез тебя изнемогаю
На скале средь волн морских.

Эту арию Ариадна исполняла с заметным саксонским акцентом. Но прежде чем успело сложиться мое мнение на этот счет, она снова начала раздеваться. Мой мозг почти отказался воспринимать весь объем нарастающих трудностей.

19

На самом деле мое знание античности отнюдь не так глубоко, как я стараюсь это продемонстрировать. Тем не менее я вспомнил об одном постановлении Ликурга, предписывавшем девицам Спарты входить в театр обнаженными. Спартанские юноши должны были пресытиться зрелищем женских прелестей, потерять всякое влечение к противоположному полу и обратиться к наслаждениям однополой любви (чувству, якобы более высокому в духовном и нравственном отношении). Было ли здесь соответствие? Возможно ли предположить подобное намерение со стороны режиссера? Я не довел до конца своих соображений, ибо еще прежде чем я успел совершенно от них отказаться, новое событие на сцене привлекло мое внимание.

20

А именно: Дионис, проявив заметное недовольство затянувшейся арией, заснул от скуки, и теперь Ариадна накинулась на него, желая его подбодрить. Она теребила его одежды, несколько раз ущипнула за ногу и наконец уселась верхом ему на шею, распевая при этом с непередаваемым саксонским акцентом:

Ты мне мил, но как далек ты!
Ты далек, но как ты мил!

Должен признать, что сцена, хотя и весьма впечатляющая, не имела особого успеха. В зале послышался кашель. Музыка была слишком хрупкой для этого веселого происшествия, и, наверное, мы поступили дурно, растянув ее на три с половиной минуты. Ведь ни один трюк не становится лучше, если его растянуть.

21

Вошел гонец и принес известие о прибытии Тезея. Так или иначе сомни-

тельная ситуация была преодолена. Ариадна снова привела в порядок свои одежды, а для Диониса режиссер придумал здесь весьма эффектное подражание жестам просыпающегося человека: бог громко сопел, расправлял члены, тер руками глаза и так далее. Однако за этим последовал терцет, которому не хватало столь же убедительного режиссерского решения. Певцы просто стояли на произвольном расстоянии друг от друга и пели каждый свое, а когда публика начала проявлять некоторый интерес (вероятно, потому, что ей наконец предоставили возможность разгадать, кто же, собственно, эти трое), персонажи в самой середине сцены удалились, словно испытывали неловкость от такого любопытства. У меня создалось впечатление, что за кулисами они допели все до конца. Но я бы не смог в этом присягнуть, я-то ведь знал мелодию. Во всяком случае, сцена оставалась совершенно пустой. Ничего не происходило. И внезапно я понял: главное действие акта — появление чужестранца, — которое мы пытались решить своими негодными музыкальными и драматическими средствами, было преподнесено режиссером в полном согласии с духом этого театра. Мастер сцены обнаружил несомненное превосходство. Пауза все еще продолжалась. Она длилась дольше, чем могла длиться какая-либо пауза в ходе какого-либо действия. Это была пауза-вечность, пауза-гигант, боже мой, а Маттхуз как раз здесь дерзнул предложить фермату. И вот наконец, когда терпение присутствующих готово было лопнуть, явился он, этот Священный царь, этот аттический Геракл... Грили. Я, конечно, имею в виду Тезея. Имею в виду Тезея... На нем была круглая шапка из оленьей шкуры и зеленые гамашы с отворотами, в правой руке он держал ледоруб, каковой он и вонзил с видом крайнего облегчения в ледяного цвета куб, назначение которого стало понятным только теперь.

22

Режиссер не забыл обо мне. Он вышел из зала измученный, но в прекрасном настроении и поманил меня пальцем.

— Что касается сцен с раздеванием... — начал я.

— Как? — спросил он. — Вы при этом присутствовали?

Я признался. Достаточно было одного его взгляда, чтобы все ассистенты стремительно испарились.

Впрочем, он пренебрег возможностью закатить мне скандал и вежливо дал понять, что готов меня выслушать.

— Эти сцены с раздеванием... — начал я снова. — Мне кажется, важно показать лукавство Ариадны — она оттачивает и одновременно соблазняет...

— Важно показать? — повторил он рассеянно. Он открыл партитуру, кото-

рую держал под мышкой, и указал на заголовок. — Здесь написано: «Комическая опера», — сказал он. — Или этого здесь не написано?

— Это комическая опера, — согласился я.

— То-то, — сказал он. — Что еще?

— У Ариадны саксонский акцент, — сказал я. — Важно подчеркнуть ее высокое происхождение...

— Послушайте... — сказал он. — Под комической оперой я понимаю оперу, на которой зрители должны смеяться.

Я заметил, что до сих пор это было всегда одним из моих убеждений.

— То-то, — сказал он. — Еще что-нибудь?

— Костюм полярника на Тезее, — снова начал я. Но тут меня осенило. — Понимаю, — вскричал я, — поскольку это комическая опера...

— Мне эта мотивировка кажется не очень убедительной, — возразил режиссер. — Если наш театр столь блестяще укрепил свою школу, то лишь благодаря методу научного исследования произведений. Мы изучаем явные и скрытые замыслы их создателей. От нас ничто не ускользнет. Мы читаем наши пьесы.

Он перелистал партитуру и нашел это место. В самом деле, там было написано: «Герой великий с севера грядет».

23

Когда пробил час премьеры, я лежал на своей кушетке, предаваясь мыслям о том, как достичь славы, ничего не делая. И тут раздался звонок в дверь. На пороге стояла незнакомая дама. На ней было отливающее блеском шиншиловое манто, из-под которого виднелось шелковое платье очень красного цвета. Предчувствуя недоразумение, я обратился к ней довольно сурово:

— Чем могу быть полезен?

— Многим, миленький, — отвечала она дерзко. — Многим таким, о чем ты и мечтать-то не смел.

— А разве вы не собираетесь в оперу? — спросил я, ибо предположил это, глядя на ее платье. Вопрос развеселил ее.

— В оперу? — переспросила она. — Ха-ха. Ведь я и есть опера.

— Собственной персоной! — воскликнул я, провожая ее в гостиную. — Значит, вы и есть великая...

24

— ...блудница, — закончила она. — Не стесняйся в выражениях, я не так обидчива, как ты. Я привыкла, что меня называют как угодно, и не сопротивляюсь. Во всяком случае, это я, Развратница-в-Алом, Царица Народов, Королева-Опера.

Она сбросила свое манто, скинула туфли, расположилась на подушках моей кушетки и только потом спросила:

— Я могу снять манто?

Все в ней было жирным: черные волосы, грудь, тело. Ее лицо и шея были покрыты бело-розовым слоем краски, а когда она смеялась, по ее гриму со скрипучим звуком разбегалась сеть трещин.

— Но что же вам все-таки угодно? — спросил я озадаченно.

— Ты мне подходишь, — заявила она развязно. — Сегодня вечером у нас назначено свидание. Ты не явился, и вот я пришла к тебе.

Снова раздался скрипучий смех. И так как я молчал, она бросила на меня многозначительный взгляд и сказала:

— А, может, тебе не по вкусу темпераментные женщины?

Я уклонился от ответа.

— Не хотели бы вы спеть мне что-нибудь? — предложил я. Но, кажется, я коснулся именно того вопроса, по которому она, в порядке исключения, не была готова идти мне навстречу.

— Я больше не пою, — заявила она со значением. — Мои клиенты совершенно отучили меня.

— Да, в том-то и состоит моя проблема, — сказал я возбужденно. — Ведь теперь все говорят, что оперу посещают не ради искусства. Но чего-то же люди у вас ищут; я полагал, что это музыка.

— Глупости, — сказала она.

— Как, простите? — переспросил я.

— Они ищут глупости, — повторила она. — Я удовлетворяю потребность в таком театре, обслуживать который из соображений престижности отказался бы самый жалкий ярмарочный балаган.

— Но все-таки, — вставил я, — своеобразие вашего искусства...

— Моего искусства! — воскликнула она пренебрежительно. — Иди ты со своим своеобразием. Где нынче возьмешь понимающего клиента?..

Она захихикала, словно нашла это весьма забавным.

— Вы назвали меня... — продолжала она, снова впадая в доверительный тон, — назвали меня блудницей.

(Неправда, она сама с этого начала.)

— Но чего ищет клиент в увеселительном заведении? Ведь не любви же. И уж не сантимаента. Клиент ищет в увеселительном заведении отдохновения, отсутствия усилий. Ценится та дама, которая не прилагает стараний, ибо всякое старание с ее стороны только портит клиенту настроение. Говорят о любви и пускаются в разврат, притворство называют счастьем, безделье — делом; вот, сударь, и вся тайна моей профессии.

Ее цинизм возмутил меня.

— И вы никогда не стыдитесь? — выдохнул я.

— Стыжусь, — прошептала она, хихикая, — когда поют.

Вы заметили, читатель, — я спал. Даже я это заметил. Однако точности ради я подтверждаю: конец моего достоверного рассказа отражает не факт материального мира. Это был сон, привидевшийся мне на кушетке. Я заколол бы пятьдесят собак в честь Аполлона, если б мог сказать то же самое о начале этой истории.

27

Гостья вдруг сорвалась с кресла и бухнулась передо мной на колени.

— Спасите меня, маэстро! — вскричала она, ломая руки. Слезы душили ее. — Не отталкивайте меня. Я не имею права потерять вас, вы моя последняя надежда стать порядочной.

— Не фальшивьте, — сказал я.

— Пусть так, — покорно согласилась она. — Тогда я буду молчать.

— Мне нравится, что вы молчите, — произнес я после паузы, — но было бы еще лучше, если б вы ушли.

— Вы струсил из-за одного-единственного провала, — констатировала она с горьким упреком.

— Меня не так легко оскорбить, — сказал я. — Я стойко переносил провалы. Всякое бывало. Весь свет сидит у меня на шее, как вампир сосет меня и не платит. Но такая грандиозная неудача! Такое вопиющее убожество!

На ее лице появилось странное выражение, и она произнесла:

— Ты так сильно любишь меня?

Это ошарашило меня.

— Что вы имеете в виду?

— Ты так много ждал от меня? — спросила Блудница.

Я ничего не понимал, но она настойчиво продолжала:

— Разве разочарования не столь же велики, сколь велики иллюзии? И разве не делает мне чести, что я способна вызывать великое разочарование? Царство наслаждения, гармония духовного и чувственного... разве все это в нашем мире не... — Она оборвала себя на полуслове и заговорила совсем по-другому. — Я глубоко сожалею, сударь, — насмешливо произнесла она, приседая, — что вы, впервые посетив один из моих храмов, испытали такое потрясение, которого не забудете до конца своих дней.

— А если б и так, — ответил я угрюмо, — чем вы-то можете мне помочь?

— Сначала, — сказала она бодро, — я разденусь.

При этих простых словах меня пронзил такой ужас, что казалось, разорвется сердце.

— Что с вами? — спросила она участливо. — Вы побледнели, словно труп.

— Боже, — выдохнул я, — теперь этот режиссер стал хозяином моих снов! Я почувствовал, что из всех разно-

видностей грубого разврата этот — самый гибельный. Есть от чего сойти с ума.

28

Но потом я заметил, что ничего особенного не произошло. Ее умение снимать одежду произвело приятное впечатление. Из своего ридикюля, тоже сшитого из шиншиллы, она извлекла множество бутылочек и коробочек с очищающими лосьонами, туалетной водой и ватой. Расставив их перед собой на столе, она начала спокойно разгримировываться. Я закрыл глаза, что мне, однако, ничуть не помогло, поскольку они уже были закрыты — ведь я же спал. Я видел великую Блудницу сквозь опущенные веки так же явственно, как и прежде, и я невольно наблюдал, как она совершает туалет.

К моему изумлению, я заметил, как из-под морщинистой краски выступила нежная и гладкая кожа. Моя гостья удаляла слой за слоем изборожденную трещинами кожу, и внешность ее становилась все безупречнее. И когда с нее окончательно спала бело-розовая маска, я увидел лицо, которое в старину непременно называли бы божественно-прекрасным. В нем была именно та гармония очарования и иллюзорности, которую иначе не назовешь. Но я отклонился в сторону. Итак, я увидел ее прекрасный лик, а она попросила меня растегнуть ей молнию.

Я не очень люблю, когда незнакомые дамы провоцируют меня на сомнительные действия, и потому отказался выполнить ее просьбу. Разумеется, мой отказ не остановил ее. Она прекрасно справилась и без меня. Несмотря на свои жирные плечи, она ловко расстегнула молнию и легким движением сбросила... нет, не платье, а все свое истасканное, выдавшее виды тело — поверьте, что даже во сне эта операция подействовала на меня ошеломляюще. Мне показалось, что под своим телом она носила второе, девственное, вполне подходящее к ее новому лицу. Это был облик вечной юности, манящий и недосягаемый, как сама истина.

— О, как прекрасно! — воскликнул я восторженно.

— Ах! — произнесла она с улыбкой неопишуемой притягательности. — Вы не пугаетесь, как другие?

— О нет! — закричал я. — Напротив, я мог бы любить вас!

— Согласна, — сказала она.

Но я почувствовал, что ее прелестный облик становится все более расплывчатым, как будто она все дальше удалялась от меня. Она стала лишь очертанием, отзвуком, который ускользал от меня, оставляя неизгладимый след в сердце.

— Можете меня любить, — услышал я из бесконечной дали ее нежный лепет. — Но вам меня не заполучить.